

Глава 1

Высоко в небе повисло бледное мартовское солнце. Холодный ветер, злобно завывая, так и норовил сорвать со зрителей одежду. Но даже такой неприветливый, промозглый день, типичный для весны штата Иллинойс, не мог испортить настроения людям, стоявшим вдоль заграждения скаковой дорожки. Громкими криками подбадривали они своих фаворитов. На румяных от холода лицах читались напряженное ожидание и нетерпение.

Несколько счастливых наблюдателей за состязаниями, удобно расположившись в легких двухместных колясках, а молодые парни и мальчишки — с крыш конюшен, находившихся неподалеку. У зрителей было приподнятое настроение. А как же иначе? Ведь наступило ярмарочное время — один из тех редких периодов, когда рабочий люд, фермеры, лавочники и их близкие могли хоть немного отдохнуть от каждодневного тяжелого труда. А какая же ярмарка без состязаний двуколок? Вот и сегодня собравшиеся могли вволю насладиться одним из своих самых любимых видов соревнований.

По укатанной скаковой дорожке мчались одноместные двуколки, сопровождаемые клубами пыли. Копыта девяти иноходцев двигались дружно, в безукоризненном ритме, как ноги солдат на плацу. Лошади шли ноздря в ноздю.

Наконец одна из них, запряженная в двуколку, которой правил наездник в красном камзоле, вырвалась вперед и начала приближаться к финишу.

У финишной прямой стоял Генри Хокинс, невысокий крепкий мужчина шестидесяти трех лет, обладав-

ший вспыльчивым характером и необузданной энергией, и внимательно следил за состязаниями. Его кустистые седые брови то сходились на переносице, то становились домиком, густые волосы блестели на солнце, не выцветшие с годами ярко-голубые глаза скрывал полевой бинокль. Однако ничто не могло скрыть радости, в один прекрасный момент с ног до головы захлестнувшей Хокинса. Стоило лишь взглянуть на его решительное лицо, как все становилось ясно.

— Давай, Пэдди Бой! Давай! Жми! — кричал Хокинс. — Покажи им всем, на что ты способен!

Пэдди Бой мчался по дорожке таким грациозным аллюром, что его корпус словно парил над землей. Гордо вскинув голову, словно почуяв победу, несся он стрелой к финишу, таща за собой маленькую двуколку, между стремительно мелькавших колес которой притулился наездник.

— Черт подери! Он выиграл! — закричал Генри Хокинс и запрыгал от восторга, как мальчишка. Но ему тотчас же пришлось пожалеть о слишком бурном выражении чувств: острая боль пронзила бок. Пять лет назад во время скачек Хокинс упал с лошади и повредил тазобедренный сустав. С тех пор ему приходилось довольствоваться на состязаниях лишь ролью зрителя.

Однако даже боль не смогла ухудшить настроения бывшего наездника. Держась рукой за бок и прихрамывая, Хокинс быстро заковылял к финишному столбу, намереваясь первым встретить победителя и предъявить свое право на выигрыш в тысячу долларов.

Наездник двуколки развернул лошадь, вернулся к финишу и, схватив свисавший с финишного столба ярко-желтый кошелек с деньгами, бросил его Генри Хокинсу, затем съехал со скаковой дорожки и направился к конюшне.

Очутившись на конюшне, наездник быстро и умело выпряг Пэдди Боя из двуколки, провел его к тускло освещенному стойлу, завел туда лошадь, тщательно запер дверь

и только после этого направился к стоявшему в углу сундуку и вынул из него аккуратно сложенные юбку и кофточку.

Сняв жокейскую шапочку, наездник потрянул головой, и по плечам рассыпались черные кудри. Стянув мужские брюки и влажный от пота ярко-красный шелковый камзол, девушка со вздохом облегчения принялась разматывать узкую длинную полоску ткани, которой она перетягивалась. И вот уже из-под повязки выпрыгнули маленькие, великолепной формы груди. Девушка осторожно потерла их, морщась от боли. Больше всего на свете Ребекка Хокинс ненавидела утягивать грудь. Мало того, что это была болезненная процедура — особенно перед месячными, как сегодня, она еще и действовала на девушку угнетающе. С недавних пор Ребекке стало казаться, что, перебинтовывая грудь, она убивает в себе женщину.

Девушка ловко натянула простенькую зеленую, по шиколотку, юбку и белую блузку, заперла сундук, а затем занялась Пэдди Боем: принялась чистить его, что-то ласково нашептывая.

В это время один из судей, сидевших на трибуне рядом со скаковой дорожкой, крикнул Генри Хокинсу:

— Хок! Пэдди Бой только что показал самое лучшее время в истории местных скачек!

— Какое?

— Две минуты и две секунды.

— Неплохо, совсем неплохо, — заметил Хок, улыбнувшись во весь рот, и удовлетворенно потер руки. — Даже отлично!

— Мистер Хокинс, прошу простить меня, сэр, — послышался у него за спиной незнакомый голос. — Меня зовут Деннис. Я репортер газеты «Ивнинг ситизен». Разрешите взять у вас интервью.

Хок обернулся. На него смотрел молодой человек невысокого роста с остреньким, как мордочка хорька, лицом.

— Разумеется, сэр. — Хок горделиво улыбнулся.

— Это ваши первые скачки в Иллинойсе? — начал Деннис.

— Ну что вы! С тех пор как мы приехали в этот штат, мы уже участвовали в четырех скачках на различных ярмарках. А завтра днем собираемся еще раз попытаться счастья здесь же.

— И каковы были результаты?

— Мы выиграли два... нет, теперь уже три заезда, считая сегодняшней, — поведал Хок, широко улыбнувшись. — Но самую крупную сумму получили сейчас. На других скачках выигрыш составлял двадцать пять и пятьдесят долларов. — Хок потряс кошельком, и монеты весело зазвенели.

Деннис оглянулся:

— Я надеялся, что вот-вот подойдет ваш наездник. Хотел сфотографировать вас вдвоем.

Хок поспешно отвел глаза.

— Мой наездник — парнишка застенчивый. Он не любит, чтобы его снимали, и предпочитает не давать интервью.

— Но ведь вы наверняка можете на него повлиять. В конце концов, он у вас служит и должен вас слушаться.

— Это верно. Но когда он нанимался ко мне на работу, то поставил условие, чтобы газетчики его не донимали, и я согласился. Уговора нашего я нарушать не собираюсь. Лучшего наездника у меня еще не было, и мне вовсе не хочется его терять. — Хок внезапно расхохотался. — Сам-то я уже не могу его заменить!

— Так вы Генри Хокинс! Ну конечно! Как же я раньше не догадался! — воскликнул Деннис, хлопнув себя по лбу. — Ведь вы тот самый Генри Хокинс, верно?

Старый наездник ухмыльнулся:

— Ну, насколько мне известно, да. По крайней мере, единственный Генри Хокинс, которого я знаю.

— Думаю, вы понимаете, о чем я, — быстро проговорил Деннис. — Вы именно тот Генри Хокинс, который прини-

мал участие в Королевском дерби¹, проводимом в Англии, в Эпсоме. Вы — единственный американец, выигравший там два заезда.

— Да уж, эти состязания были для меня не из худших, — скромно признался Хок.

— Но я не понимаю, мистер Хокинс, — продолжал настырный журналист, — почему вы, такой известный человек, такой знаменитый наездник, согласились участвовать в соревнованиях на какой-то третьесортной ярмарке! Зачем вам это?

Улыбка Хокинса погасла. По его лицу будто прошла тень, но заметить это мог бы лишь особо проницательный человек: уже через секунду старый наездник взял себя в руки и без всякой обиды ответил на вопрос журналиста:

— Все очень просто. Я был наездником, сынок, а не владельцем лошадей. У меня было имя, но не было денег. Ездой на лошадях я зарабатывал себе на жизнь, а когда уже не смог этого делать, купил подержанную двуколку и рысака, который когда-то был отличным скакуном, но слава его давно уже миновала. Тем не менее он выиграл несколько скачек, и я получил немного денег, только-только чтобы некоторое время продержаться на плаву. Но самая его большая заслуга в том, что от него родился Пэдди Бой, который уже несколько раз стал победителем и наверняка станет еще.

— П-простите меня, — запинаясь, пробормотал Денис. — Я не имел права совать нос не в свое дело.

— Ну конечно, имел, сынок. Ведь это твоя работа.

— А вот и мой фотограф, — поспешно сказал журналист, все еще ощущая неловкость. — Быть может, вы разрешите вас снять?

Хокинс увидел, что к нему и в самом деле направляется фотограф, а следом за ним и его внука, Ребекка.

¹ Дерби — ипподромные состязания трехлетних скаковых чистокровных лошадей на дистанцию 1,5 мили. Название получили по фамилии организатора, лорда Дерби. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Снимайте на здоровье, но только при условии, что вместе со мной сфотографируют и мою внучку, — заявил Хокинс. — Думаю, вашим читателям будет приятнее смотреть на хорошенькое женское личико, чем на мою морщинистую физиономию.

Насчет своей внучки бывший наездник не ошибался. Ребекка Хокинс и в самом деле была хорошенькой. Стройная, чуть выше среднего роста, с копной черных кудряшек, ниспадавших до плеч и обрамлявших белоснежное, гладкое, как фарфор, лицо, лишь на щеках тронутое румянцем. Картину дополняли алые, четко очерченные губы и огромные глаза необычного рыже-карего цвета. «Словно херес в хрустальном бокале», — любил говаривать дедушка.

Сейчас эти глаза сияли, а улыбка обнажила маленькие ровные белоснежные зубки. Взгляд, которым Ребекка одарила дедушку, был полон торжества.

— Иди сюда, Бекки, — позвал Хок. — Наша фотография скоро будет красоваться в газете. Здорово, правда? Может, уже завтра напечатают? — обратился он к фотографу.

— Боюсь, что нет, сэр, — отозвался тот. — Завтра только будут готовы снимки. А сейчас прошу не шевелиться и смотреть в объектив.

Хок с Ребеккой послушно уставились в объектив стоявшей на треножке камеры, а фотограф юркнул под черное покрывало. Послышался громкий щелчок, фотограф забрал свою камеру и удалился.

— Спасибо за интервью, мистер Хокинс, — проговорил Деннис. — И удачи вам завтра на скачках.

— Не стоит благодарности, молодой человек.

— Пэдди Бой прошел сегодня просто великолепно, — заметила Ребекка, когда они с дедом направились к конюшне. — Он это и сам знает. Видел бы ты, как он задирает нос!

— Да ну? — удивился Хок. — А Черный Принц берет с него пример?

— Ну что ты! — рассмеялась Ребекка. — Черный Принц слишком хорошо воспитан, чтобы поддаваться дурному влиянию. Он, как обычно, держится с аристократическим спокойствием. Впрочем, когда я наградила Пэди Боя за одержанную победу кусочком сахара, Принц решил, что и ему полагается.

— Но ты, конечно, не дала ему сахар? — нахмурился Хок.

— Дала, дедушка. Как я могла ему отказать?

— Ах, Бекки! Никогда тебе не стать хорошим тренером. Слишком доброе у тебя сердце. Черный Принц должен крепко-накрепко запомнить, что сахар ему дадут только в том случае, если он его заработает.

— Но ведь так нечестно, дедушка! — возразила Ребекка. — Пэди Бой выигрывает скачки и получает свои заслуженные награды, а бедняжка Черный Принц день за днем стоит в стойле. Если бы ему дали возможность поучаствовать в состязаниях, он бы наверняка выиграл! Но никто ему такой возможности не дает.

— Точно выиграл бы, — согласился Хок, и глаза его задорно блеснули, — Но ведь ты же знаешь, моя хорошая, что мы с тобой задумали.

— Я-то знаю, дедушка, а вот знает ли Принц?

— Черный Принц, конечно, самый быстроногий чистокровный жеребец во всей Америке, но мы не можем пока что выставлять его на скачках. Пусть до поры до времени постоит в конюшне, чтобы никто не догадался о его потрясающих способностях. А вот когда начнется Кентуккийское дерби, мы непременно выставим Черного Принца в первом же заезде. Мы поставим на него все наши сбережения, девочка, а когда он выиграет, у нас будет достаточно денег, чтобы купить ту ферму по разведению чистокровных жеребцов, о которой мы с тобой столько мечтали, — терпеливо принялся излагать Хокинс свой план, будто Ребекка не знала его наизусть, будто не слышала эти самые слова сотни раз

в течение многих лет, когда они с дедом кочевали из штата в штат, с одной ярмарки, где проходили скачки, на другую.

— А вот и они, — с гордостью сказала Ребекка, когда они с дедом подошли к двум смежным стойлам, в которых стояли их лошади, — мои дорогие красавцы.

Заслышав тихий голос хозяйки, оба жеребца, Черный Принц и Пэдди Бой, повернули головы и выжидающе взглянули на нее. Ребекка направилась к своим любимцам, но в этот момент послышались свист кнута, громкий шелчок и испуганное ржание.

— Что это, дедушка? — спросила Ребекка и, крепко схватив Хока за руку, обвела встревоженным взглядом длинные ряды стойл.

— Сдается мне, девочка, какой-то мерзавец бьет свою лошадь, — сердито бросил Хок. — Эй, вы! — закричал он, бросаясь к стойлу, из которого донеслось ржание. — Презренный негодяй! Перестаньте мучить животное!

— Осторожно, дедушка! — взмолилась Ребекка и помчалась следом за ним, опасаясь, как бы с ее горячо любимым дедом чего не случилось.

Снова раздались свист кнута, звук удара — это кнут пришелся по крупу несчастного животного — и полное муки лошадиное ржание.

— Черт бы вас побрал, сэр! — воскликнул Хок и, настезь распахнув дверь стойла, вбежал туда, несколько не боясь, что ему тоже достанется. — Прекратите бить животное!

Ребекка следом за дедом тоже ворвалась в стойло и, увидев нарушителя спокойствия, испуганно ахнула, чувствуя, как у нее мороз прошел по коже. Никогда в жизни не доводилось ей видеть такого страшного человека, как стоявший перед ней мужчина, одной рукой державший под уздцы испуганную лошадь, а другой сжимавший кнут.

Это был огромный детина двухметрового роста с абсолютно лысой яйцеобразной головой, сидевшей на толстенной, как бревно, шее. Мощная шея плавно переходила в широко-

ченные плечи, отчего создавалось впечатление, что обладатель их сделан из цельного куска гранита. Страшилище было облачено с ног до головы во все черное (при ближайшем рассмотрении Ребекка заметила, что одежда его сшита из самого дорогого материала и великолепным портным). Левую щеку детины, будто алая молния, прорезал длинный шрам. Легко касаясь его пальцами, словно лаская, гигант взглянул на Хокинса, потом на Ребекку.

Рядом со стойлом стояли еще двое. Одного из них, невысокого, облаченного в желто-черный камзол, Ребекка знала. Это был наездник по имени Тимми Берд. Второго мужчину она никогда прежде не видела.

— Насколько мне известно, вас зовут Генри Хокинс, — сказал великан с кнутом. — Разрешите представиться, сэр. Оскар Сталл, владелец этой лошади.

— Что еще не дает вам права избивать ее! — пылко воскликнула Ребекка.

Взглянув на нее, Сталл холодно улыбнулся:

— Напротив, моя дорогая юная леди. Это дает мне право делать с этим животным все, что мне заблагорассудится. Я могу даже убить его, если у меня появится такое желание.

— Тимми, — обратился Хокинс к переминавшемуся с ноги на ногу наезднику. — Я знаю тебя уже не один год, но никогда не замечал, чтобы ты мучил лошадей или позволял это делать другим.

— Что я могу поделать, Хок, — промямлил Тимми, и на лице его явственно отразился страх перед Оскаром Сталлом.

— Ты можешь сказать этому презренному негодяю, что ты больше у него не работаешь.

Сталл хрипло расхохотался:

— Нет, мистер Хокинс, он не может этого сделать. Если он такое себе позволит, то я позабочусь о том, чтобы он больше никогда ни на кого не работал.

— И как вы это сделаете, позвольте вас спросить? — вмешалась в разговор Ребекка. — Изобьете его кнутом, как свою лошадь?

— Я никогда ни с кем не расправляюсь сам, юная леди, — ответил Сталл, холодно улыбнувшись. — Мистер Мерси умеет сделать так, чтобы мои пожелания немедленно и беспрекословно претворялись в жизнь. Не правда ли, мой друг? Между прочим, разрешите представить вам мистера Мерси, моего телохранителя. К сожалению, время от времени я нуждаюсь в такого рода услугах.

— Могу себе представить, — с отвращением произнесла Ребекка.

Она взглянула на человека, которого Оскар Сталл назвал мистером Мерси. Ребекка никогда его раньше не видела и прекрасно прожила бы без этого и впредь.

Мистер Мерси был невысокого роста и довольно хлипкого сложения, особенно по сравнению с Оскаром Сталлом. Так что на первый взгляд его должность телохранителя при таком здоровяке, как Сталл, казалась просто смехотворной. Цвет лица у мистера Мерси был болезненно-серым, а бесцветная, будто линялая, одежда лишь подчеркивала его невзрачность. Глаза у телохранителя тоже были серые, вроде бы самые обыкновенные, но внимательно взглядевшего в них они потрясали до глубины души: они казались настоящими кусочками льда. В них не отражалось ничего — ни мыслей, ни чувств. Похоже, этому человеку были неведомы ни жалость, ни сострадание.

Словно смотришь в лицо самой смерти, решила Ребекка, с содроганием глядя на мистера Мерси. Вот уж кому меньше всего подходит его имя¹.

— За что вы бьете это несчастное животное? — строго спросил у Сталла Генри.

— За что, мистер Хокинс? Да за то, что эта тварь дала себя обойти. Кому, как не вам, это знать, сэр. Ведь это ваша лошадь его обошла.

¹ Мерси — милосердие, сострадание (*англ.*).

— И вы избиваете его за это? — с отвращением воскликнул Хок. — Боже правый! Да из последних пяти заездов я проиграл два. Неужели вы думаете, что я стал бы лупцевать за это Пэдди Боя?

— У вас свои методы тренировки, у меня свои, — отрезал Сталл.

— Наши, в отличие от ваших, дают прекрасные результаты, — поддела его Ребекка.

— В большинстве случаев мои тоже себя оправдывают, юная леди, — изрек Сталл и уставился на Ребекку, словно только что ее увидел.

Ребекка уже умела отличить похотливый мужской взгляд от обычного. Никто с ней никогда не разговаривал на тему взаимоотношения полов, да и опыта у нее по этой части никакого не было, однако, будучи девушкой смысленной и наделенной даром интуиции, Ребекка набиралась жизненного опыта, наблюдая за поведением своих питомцев. Так что ее можно было назвать невинной, но никак не невежественной.

Ребекке было двадцать лет, и когда она, глядя на спаривающихся лошадей, представляла себе, как мужчина и женщина занимаются любовью, то испытывала при этом приятное возбуждение. Но при мысли о том, что можно заниматься любовью с мистером Сталлом, который так и пожирал ее взглядом, Ребекка невольно вздрогнула.

— Однако, — продолжал Сталл, — я вижу, что вам мои методы воспитания, как бы эффективны они ни были, не по душе, так что я пока сделаю перерыв.

Он сказал это таким тоном, словно делал всем присутствующим огромное одолжение, и, снова улыбнувшись своей холодной улыбкой, протянул кнут Тимми Берду. Тот взял его и, искоса взглянув на Хока с Ребеккой, выбежал из конюшни.

— Мистер Сталл, в каждом заезде может победить лишь одна лошадь, — заметил Хок. — Надеюсь, вы это понимаете?

— Да. Только, смею вас заверить, я не тот человек, который любит проигрывать, — ответил Сталл. — Как вы совершенно справедливо заметили, в каждом заезде есть один победитель, остальные — побежденные. Так вот, я предпочитаю быть победителем.

— Мистер Хокинс, вы здесь? — послышался издалика чей-то голос.

Хок с Ребеккой поспешно покинули Сталла и его телохранителя и направились к стойлу, где находились их лошади. Там они обнаружили высокого стройного молодого человека с рыжеватыми волосами, с интересом разглядывающего Пэдди Боя и Черного Принца. Одет он был хорошо, слишком хорошо для простого труженика. Этаким шеголь, решила Ребекка. Протянув руку, он принялся ласково поглаживать Пэдди Боя, улыбаться и что-то нашептывать ему тихим голосом, в котором явственно чувствовался ирландский акцент.

— Генри Хокинс — это я, — сказал Хок, подходя к молодому человеку. — Чем могу служить, сэр?

— Так вы и есть мистер Хокинс! — воскликнул рыжий. — Меня зовут Глэдни Хэллоран, и я пришел пригласить вас на ужин.

— Вы собираетесь пригласить дедушку на ужин? — удивилась Ребекка. — Но почему, скажите на милость?

Хэллоран взглянул на девушку и ухмыльнулся во весь рот. Ребекка заметила, что улыбка у него несколько кривая, будто парню ненароком повредили челюсть в какой-то уличной драке. Однако ничто больше в его внешности не наводило на мысль о кулачных боях. Так почему же при взгляде на него приходит мысль о драке? Взглянув на незнакомца повнимательнее, Ребекка поняла почему. В его глазах, весело смотревших на мир, явственно мелькал упрямый огонек. Похоже, этот молодой человек весьма вспыльчив. Он наверняка из тех, кто будет стоять на своем до конца, прав он или нет. Издалика мистер Хэллоран показался Ребекке довольно худощавым, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что

он крепкий и мускулистый. Внезапно Ребекка ощутила себя не в своей тарелке.

— А вы, малышка, должно быть, его внучка? Так вот, я с превеликим удовольствием приглашаю на ужин и вас, потому что благодаря вам обоим мне привалила большая удача.

— Благодаря нам? — удивленно переспросил Хок.

— Ну да. Вам двоим да еще вот этому джентльмену с прекрасным ирландским именем Пэдди Бой¹. Должен признаться, что только из-за имени я на него и поставил. И он меня не подвел, сэр. Я выиграл очень прилично. Так что самое меньшее, чем я могу вас отблагодарить, — это накормить ужином.

— Спасибо, мистер Хэллоран, но мы... — начала было Ребекка, однако Хок не дал ей договорить.

— Мы будем счастливы принять ваше приглашение, мистер Хэллоран, — перебил он внучку, пожимая молодому человеку руку.

— Но, дедушка! — в ужасе воскликнула Ребекка.

— А почему бы и нет? — повернулся к ней Хок. — Ведь если этот молодой человек угостит нас ужином, мы сэкономим деньги. Так что не вижу в этом ничего плохого.

— Слушайте дедушку, малышка. Он дело говорит. Голова у него хорошо работает.

Когда Хокинс с внучкой пошли посмотреть, кто это к ним пришел, Оскар Сталл отправился вслед за ними и, подойдя к стойлу, в котором стояли их лошади, заметил Черного Принца. Он остановился и с огромным интересом и знанием дела принялся рассматривать красавца рысака.

— Мистер Хокинс, вы собираетесь завтра выставлять эту лошадь? — поинтересовался он.

— Нет, — коротко бросил Генри.

— Нет? — удивился Сталл, разглядывая лошадь с еще большим интересом и обращая особое внимание на широкую грудь и длинные стройные ноги жеребца.

¹ Пэдди — ирландец (*англ.*).